

Роман РАБИНОВИЧ

К ВОПРОСУ О ПОЛИЭТНИЧНОСТИ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ МОЛДОВЕ

Сегодня в Республике Молдова, в отличие от совсем еще недавнего прошлого – первого десятилетия ее государственной независимости, высшее руководство страны обращает пристальное внимание на существующее этническое и культурное многообразие нашего региона и позиционирует его как важный положительный фактор современной истории Молдовы. Акценты делаются на полиэтничность страны как ее историческое достояние, доставшееся от прошлого, как источник культурного развития в перспективе и в перспективе же как ресурс для успешного экономического развития. Последнее видится сквозь призму развития туристической отрасли.

Безусловно, необходимо использовать как очень привлекательный ресурс полиэтничность и мультикультурность современной Молдовы. Но это не должно стать временной кампанией - в обществе надолго должно быть сформировано представление о том, что сегодняшняя ситуация в Молдове вовсе не уникальна для этого края. Даже более того, в его постоянной, прослеживаемой на протяжении всех зримых исторических эпох поликультурности и полиэтничности и состоит уникальность этого региона и его жизнеспособность.

Для демонстрации положения [полиэтничность – как неотъемлемая постоянная черта в развитии региона] хотелось бы совершить небольшой исторический экскурс и привести в качестве примера эпоху раннего средневековья в истории Молдовы. Например, период, хронологически ограниченный двумя великими нашествиями, затронувшими вместе с остальной Европой и наш регион, – гуннским [конец IV-V века] и монгольским [XIII век]. Но прежде необходимо оговорить несколько предварительных условий.

Во-первых, вероятная дискуссионность некоторых рассматриваемых положений, которую я, безусловно, сознаю. Но в такого жанра работах уровень приближения к той или иной проблеме не позволяет подойти к ее решению с той необходимой степенью глубины, которая возможна только при специальном рассмотрении отдельно взятой проблемы. Как говорил П. Флоренский, стремясь к широте, невольно становишься поверхностным.

Во-вторых, кажется совершенно очевидным, что полиэтничность и поликультурность в Карпато-Днестровских землях всегда являлись результатом взаимодействия окружающих активных в культурно- и этногенетическом планах культурно-исторических миров. Другими словами, подобная полиэтничность и поликультурность – продукт своеобразного географического расположения Молдовы в пограничье Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы. Теперь можно перейти непосредственно к изложению.

Культурно-историческая ситуация VI-VII вв.

Последняя четверть V в., время падения Западной Римской империи, как традиционная для историков дата начала эпохи европейского средневековья, вряд ли застала в Карпато-Днестровских землях хоть сколько-нибудь значительное оседлое население. Предлагающиеся ныне датировки Черняховской культуры это подтверждают. Сметенные гуннским нашествием готы и другие носители этой культуры в нашем регионе ушли за Дунай, и даже если находиться на позициях восточно-романского континуитета в территориальных границах между Прутом и Днестром, все равно неизбежным на сегодняшний день является вопрос о культурной и хронологической лакуне второй половины V в.

Первые данные письменных и археологических источников относительно оседлого населения в Карпато-Днестровских землях, на территории исторической Молдовы, касаются так называемых склавинов и антов применительно к VI в.

Согласно авторам VI в. Иордану и Прокопию Кесарийскому, территория современной Молдовы входила в этот период в область расселения обоих народов – и антов, и склавинов. Практически бесспорно с этими народами в историографии связываются две археологические культуры – Пеньковка и Корчак. Их памятники на территории современной Молдовы распространены достаточно равномерно и, что весьма важно, чересполосно, что свидетельствует о смешанном расселении их обеих в этом регионе. Мирный характер взаимоотношений и взаимное проникновение их культур также аргументируются археологическими данными.

В этническом плане склавины практически бесспорно в историографии интерпретируются как раннеисторические славяне. А вот вопрос о происхождении антов далек от разрешения, по крайней мере, значительная часть исследователей [М.И. Артамонов, И.П. Русанова, В.В. Седов, Р.А. Рабинович и др.] не признают славянское или чисто славянское происхождение антов. Аргументами являются и сам по себе

неславянский этноним «анты», и быстрое его исчезновение из употребления, и разнородность элементов принадлежащей антам Пеньковской культуры. О собирательности этнонима и этнической разнородности этой общности свидетельствуют и данные недавно опубликованных болгарских летописей. В последней антами называется смешанное население, состоящее из славян, болгаро-тюрков и ульчийцев - будущих уличей русской летописи [Бахши Иман 1993:24]. Итак, за антами, согласно данным письменных и вещественных источников и мнению исследователей, могут стоять не только славяне, но и иранское [сармато-аланское] население, тюрко-болгары, уличи, этническое происхождение которых само по себе представляет сложную научную проблему.

Однако мы пока говорили только об оседлом населении на территории Молдовы в указанный период. А ведь, по данным целой группы источников, здесь фиксируется и ряд кочевых народов. Известно, что во второй половине V века после смерти Аттилы и распада его «империи» часть гунно-болгарских орд откочевала в северо-причерноморские степи. С конца V, в VI-VII вв. южная часть Карпато-Днестровских земель, примыкающая к Дунаю, контролировалась различными протоболгарскими кочевыми народами и объединениями.

Происхождение протоболгар само по себе представляет остродискуссионную научную проблему, компонентами которой являются столь же дискуссионные вопросы о происхождении физического типа, языка, имен, титулатуры и правящих династий протоболгарских народов [Артамонов, 1962]. Среди народов, возможно, только мигрировавших через территорию Молдовы в указанный период, можно отметить таких, как сарагуры, уроги, савиры. А вот пребывание протоболгар-кутригуров в VI в., по крайней мере, в южной части Пруто-Днестровья можно считать практически доказанным благодаря многочисленным данным письменных источников, неоднократно отмечавших их походы за Дунай на территорию Империи. С кутригурами связано и краткосрочное пребывание с 558 по 568 год в Нижнем Поднестровье авар, которых кутригуры принимали у себя, перед тем, как авары перешли в Паннонию и вместе с лангобардами ее отвоевали у гепидов.

В VII в. свою власть во всем степном Северном Причерноморье усиливают болгары-оногуры. Это связано и с возникновением в 635 г. государственного объединения «Великая Болгария» во главе с вождем оногуров ханом Кубратом. Как известно, после смерти Кубрата «Великая Болгария» распалась на орды, возглавляемые его сыновьями. Под давлением усиливающего свое влияние в Северном Причерноморье Хазарского каганата орды четырех сыновей Кубрата изменили район локализации и мигрировали в разных направлениях.

Для Юго-Восточной Европы кардинальное значение имела миграция на запад орды оногуров во главе с Аспарухом. Перед овладением византийскими землями на Нижнедунайском правобережье [будущей Дунайской Болгарией] он обосновался в Нижнем Поднестровье в Онглосе-Буджаке, что подтверждается совокупными сведениями независимых друг от друга византийских и восточных источников. Среди последних особенно важно известие болгарской летописи Гази-Бараджа, освещающее этнический состав населения, подвластного Аспаруху в Онглосе: Аспарух, по мнению Гази-Бараджа, выступал здесь «в качестве бека своих болгар, местных ульчийцев [уличей] и улагцев [волохов] [Бахши Иман 1993: 22; Рабинович 2003: 294].

Имеет значение и тот момент, что после победы Аспаруха над императором Константином Погонатом и перемещением его за Дунай какая-то часть тюрко-болгарского населения осталась здесь же, что нашло отражение в очень представительных археологических материалах.

Таким образом, применительно ко времени VI-VIII веков мы можем говорить об очень разнообразном в этническом и культурном отношении населении на территории современной Молдовы.

Культурно-историческая ситуация VIII-X вв.

Этот период в истории Молдовы несколько слабее освещен в письменных источниках, особенно византийских, вследствие чего мы располагаем относительно меньшим количеством достоверных этнонимов и информацией этнодемографического характера. Однако этот недостаток вполне компенсируется информацией древнерусских и восточных письменных источников и данными археологии.

Рассмотрим сначала, как и в предшествующем случае, ситуацию с оседлым населением. В VIII - начале X вв. территорию современной Молдовы в основном занимали две археологические культуры – Лука-Райковецкая [в северной и центральной части Пруто-Днестровья] и Балкано-Дунайская в южной части междуречья.

Балкано-Дунайская культура, распространенная в основном в Северо-Восточной Болгарии и Добрудже, в нашем регионе связывается большинством исследователей с распространением власти Первого Болгарского царства в IX - первой трети X веков. Однако характер древностей в нашем регионе позволяет видеть в них не просто свидетельство распространения здесь административной власти, а непосредственное проживание значительного массива южнославянского населения – дунайских болгар.

Лука-Райковецкая культура была распространена на обширном пространстве от Карпат до Днепра и отождествляется абсолютным боль-

шинством исследователей с восточнославянскими племенами Восточной Европы. Этнонимы последних нам известны по сообщению древнейшей летописи «Повесть временных лет» [ПВЛ 1950]. Среди славянских народов, упоминаемых этим источником, для нас особенно важны уличи и тиверцы, так как именно их «Повесть временных лет» знает как население на территории современной Молдовы.

Применительно к Молдове часть исследователей [Г.Б. Федоров, Г.Ф. Чеботаренко, Н.П. Тельнов] отождествляют Лука-Райковецкую культуру с летописными тиверцами, другие [И.Г. Хынку, Р.А. Рабинович] – с уличами. Сторонники тиверской версии полагают, что на территории современной Молдовы проживали именно тиверцы, а уличи обитали уже за Днестром – в современных Черновицкой, Винницкой областях Украины. Мы же полагаем, что в молдавском Поднепровье проживали и тиверцы, и уличи, но с тиверцами связываем не древности Лука-Райковецкой культуры, а памятники культурной группы IX–XI вв. Екимауцы-Алчедар. В отличие от местных древностей Лука-Райковецкой культуры, имеющих типичный для Восточной Европы восточнославянский характер, памятники типа Екимауцы-Алчедар содержат полный набор не распространенных здесь раньше западнославянских культурных элементов [фортификация круглых городищ, домостроительство, погребальная обрядность, вещевой инвентарь, керамика и т.д.]. На этом основании мы можем вполне обоснованно предполагать миграцию в наш регион во второй половине IX в. значительной группы населения западнославянского происхождения [Рабинович. 1997; 2005]. Данная гипотеза не покажется надуманной, если обратить внимание на то, что в этот период на всей территории Восточной Европы ощущается мощный прилив западнославянского населения [Рабинович, Рябцева. 1997].

Мы сейчас умышленно не обращаем внимание на аргументированные суждения исследователей о предыстории появления уличей и тиверцев на страницах русских летописей и на неславянские элементы в контексте их этнического происхождения вообще и неславянского происхождения их этнонимов в частности. В период, когда их знает начальная русская летопись, они представлялись летописцам хоть и чужими, но все же, по всей видимости, народами славянского происхождения.

Итак, населяющих в IX–X вв. территорию Молдовы уличей и тиверцев можно на основании принадлежащих им археологических древностей разделить по этнокультурному признаку на восточных и западных славян. Если также учитывать присутствие в южной части региона выходцев из Дунайской Болгарии, можно констатировать наличие на территории современной Молдовы в указанный период славян-

ского населения, относящегося по происхождению и культуре ко всем трем ветвям славянства – восточной, западной и южной.

Однако не только со славянами связано происхождение оседлого населения на территории Молдовы в указанный период. В центральной части Пруто-Днестровского междуречья в X-XII вв. распространены очень своеобразные культурные группы, известные под названием древности типа Петруха-Лукашевка и типа Ханска. В культуре этих памятников присутствует наряду со славянским очень мощный инородный компонент, связанный происхождением с культурой Хазарского каганата – Салтово-Маяцкой археологической культурой. Носителями последней были хазары, тюрко-болгары и аланы. О том, что местные памятники в центральной зоне Молдовы отражают не просто влияние Салтово-Маяцкой культуры, а непосредственное переселение в наш регион их носителей, свидетельствуют данные антропологического исследования погребенных в могильниках Лимбарь и Кэпрэрие. М.В. Великанова уверенно говорит о том, что антропологический облик погребенных говорит о недавнем смешении славянского и тюрко-болгарского этнических компонентов. Последние она выводит именно с территории Хазарского каганата [Великанова 1983]. И опять же, как и в случае с западнославянским переселением, можно увидеть зримые следы переселения населения Хазарского каганата в VIII-X веках на более обширных территориях, расположенных, и к западу, и к востоку от современной Молдовы.

Для того чтобы обрисовать этническую палитру на территории Молдовы в рассматриваемый период, нужно обратить внимание не только на оседлое население, но и на кочевое.

По данным письменных и археологических источников известно, что во второй половине IX в. происходило так называемое «обретение Родины венграми». В конце 80-х - начале 90-х годов IX в. венгры, двигавшиеся с востока, с территории современной Башкирии, оказались в так называемой Этелькузе. Границы последней традиционно определяются на востоке по Днепру, а на западе по румынскому Сирету, однако, исходя из географической номенклатуры и особенностей исторической обстановки, нельзя не заметить, что территория Южной Молдовы в районе Нижнего Днестра и Нижнего Дуная, крупных рек, впадающих в Дунай и Черное море, как нельзя лучше отвечает этимологии названия Этелькуза – «место, где соединяются пять рек». О том, что венгры не просто контролировали, но и кочевали, непосредственно обитали или на территории Молдовы, или в непосредственной близости от нее, свидетельствуют данные о политической борьбе Киевско-Русского княжества с уличами и тиверцами. Эти племена оказались подчинены Киеву только после того, как венгры ушли в Паннонию.

Следом за венграми в конце IX в. в северо-причерноморских степях объявились и печенеги. Со временем печенеги вытеснили из Южной Молдовы дунайских болгар и образовали здесь, согласно данным византийских и германских письменных источников, одно из печенежских колен.

Таким образом, и применительно ко времени VIII-X вв. мы можем говорить об очень разнообразном в этническом и культурном отношении населении на территории современной Молдовы.

Культурно-историческая ситуация в предмонгольскую эпоху

О населении на территории Молдовы в предмонгольскую эпоху у нас значительно меньше данных, причем как письменных, так и археологических источников, чем в предшествующее время. Население этого региона в этот период в целом значительно менее многочисленно по сравнению с прошлым временем, но также демонстрирует значительное разнообразие и в этническом плане, и в плане распространения хозяйственно-культурных типов.

К сожалению, письменные источники практически не оставили нам указаний на названия конкретных этнонимов. Если говорить об оседлом или полуседлом населении, то мы располагаем только четырьмя терминами, напоминающими этнонимы: бродники, галицкие выгонцы, берладники и волохи. Только последнее название «волохи» мы можем бесспорно воспринимать как этноним, хотя при более глубоком обращении к проблеме может возникнуть и другой смысловой контекст – не чисто этнический, а хозяйственно-культурный [вспомним трактовку знаменитого выражения Анны Комниной – «кочевники, в просторечии именуемые волохами» [Анна Комнина 1965].

О волохах непосредственно на территории Молдовы в данный период указывают такие источники, как Никита Хониат и Грамота папы Григория 1234 года. При этом именно эти документы, равно как и другие источники по ранним волохам, не дают возможность однозначно судить ни об этническом происхождении волохов, ни об их языке и конфессиональной принадлежности [Рабинович 2000].

Кстати, именно три другие группы населения – бродников, берладников и галицких выгонцев некоторые ученые, в основном румынские, связывают с волошским восточнороманским населением. С другой стороны, большинство русских исследователей видит в них славянское по происхождению, вольное по социальному статусу население – предтечу будущего казачества [Тельнов, Степанов, Русев, Рабинович 2002]. С нашей точки зрения, например, можно теоретически допустить, что такая группа, как галицкие выгонцы, могла соотноситься

с волохами, но такое допущение никак не свидетельствует об обязательно восточнороманском происхождении самих галицких выгонцев или их языка. Но, предполагая в галицких выгонцах, бродниках и берладниках «дунайскую вольницу», неминуемо придется предположить и полиэтничный в целом характер этого населения, подобно тому, как это присутствовало в подунайских городах.

Трудно судить по тем сведениям, что мы располагаем, насколько глубока была оседлость или значительна мобильность указанных групп населения Молдовы того времени, но тот момент, что в регионе проживало хоть и редкое, но все же полностью оседлое население, подтверждают данные археологических исследований.

Что касается чисто кочевого населения региона, то к печенегам в XI-XII веках присоединились новые группы евразийских кочевников – торки, а затем и половцы. Все три группы кочевников оставили значительное количество погребальных памятников, но археологически данными подтверждено, что основным кочевым населением на территории Пруто-Днестровья в предмонгольское, а затем и в золотоордынское время было печенежско-торчское население. Возможно, в западной части региона – в Восточном Прикарпатье среди кочевого населения заметно большую роль играли половцы, ведь именно для них королевская власть Венгрии и папская курия основали так называемую Куманскую епископию. У нас нет бесспорных данных, насколько глубоким было смешивание кочевого населения с оседлым, или как далеко зашел процесс оседания кочевников на землю, но то обстоятельство, что кочевое тюркское население составляло важный компонент в этнической палитре раннесредневековой Молдовы, вряд ли оспоримо.

Выводы: Рассмотрение этнической и культурной ситуации в раннесредневековой Молдове показывает, что в эту эпоху этническая и культурная палитра населения чрезвычайно пестра и разнообразна. Если будет выглядеть корректным подобное сопоставление, то надо признать, что значительно более пестра и разнообразна, чем мы видим сегодня. Таким образом, с одной стороны, мы подтверждаем тезис о полиэтничности и поликультурности населения Молдовы как уникальном и постоянном факторе исторической жизни региона, с другой – следует вывод, касающийся чисто практической государственно-политической деятельности, - полиэтничность как генотипичный фактор нуждается сегодня не только в констатации и позиционировании, но и в государственной поддержке.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов М.И. 1962. История хазар. Л.

Бахши Иман 1993. Джагфар тарихы. Том I. Свод болгарских летописей 1680 год. Изложение текста «Джагфар тарихы» на русском языке, сделанное И. М.-К. Нигматуллиним в 1939 году. Оренбург.

Великанова М.С. 1983. Итоги и перспективы палеоантропологических исследований в Днестровско-Прутском междуречье // Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван. Кишинев. С. 20-31.

Комнина Анна 1965. Алексиада. Вступительная статья, перевод, комментарий Я.Н. Любарского. М.

ПВЛ 1950. Повесть временных лет, 1950. Ч. I, II. Подготовка текста, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. М.-Л., Издательство АН СССР.

Рабинович Р. А. 1997. Карпато-Днестровские земли во второй половине IX – первой половине XIII в. Историко-археологическое исследование. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. СПб.

Рабинович Р.А. 2000. Искушение «волошским орехом», или Балканские волохи и русские волхвы // *Stratum Plus*, № 5. С. 262-390.

Рабинович Р.А. 2003. От ултинзуров к уличам, или Предыстория одного летописного племени // *Stratum Plus*, 2001-2002, № 5. С. 282-299.

Рабинович Р.А. 2005: О культурном и хронологическом соотношении Алчедарского и Брэнештского могильников. *Revista Arheologică S.N.* 1, Nr. 1, 2005, 120-132.

Рабинович Р.А., Рябцева С.С. 1997. Ювелирные украшения с зернью из Карпато-Поднестровья в контексте культурно-исторических процессов X-XI вв. В сб. «Stratum» + Петербургский археологический вестник [СПб. – Кишинев 1997], 236-245.

Тельнов Н.П., Степанов В.П., Руссев Н.Д., Рабинович Р.А. 2002. «...И разошлись славяне по земле...». Кишинев.

Сайт подкарпатского общества

имени Кирилла и Мефодия

<http://karpatorusyns.org>

Я русинь быль, есмь и буду... *А.Духнович*

